

Глава 1

Жертвоприношение реке

На окраине деревни Чаншоу показался Цзянь Жу. С корзиной, полной диких овощей, собранных у подножия горы, он торопливо шагал домой.

Когда он шел медленно, его хромота была почти незаметна. Опасаясь насмешек, он всегда старался держать спину прямо и ступать ровно, но сейчас, в спешке, его недостаток стал очевиден. На левой щеке у него был большой шрам, который чуть не доходил до нижнего века. Стянутая кожа слегка искривляла уголок рта. От быстрой ходьбы шрам покраснел и стал еще заметнее, придавая его лицу пугающее выражение.

В обычный день Цзянь Жу постарался бы избежать встреч, но сейчас ливень усиливался, и другим было не до него.

За последние два месяца ясных дней почти не бывало. Сегодняшнее утро подарило было надежду, но слабое солнце не успело даже подсушить влажную землю, как грянули раскаты грома, набежали тяжелые черные тучи, и с небес вновь обрушились потоки воды.

Он не хотел выходить, но дома не осталось ни крошки еды, даже бочонок с соленьями был пуст. Поэтому, как только дождь немного утих, он выскользнул из дома.

Река Чжусю, извиваясь, протекала по краю деревни Чаншоу, даруя жизнь селениям на обоих берегах. Люди брали из нее воду для питья и полива полей.

Но в последние дни казалось, будто небеса прохудились. Нескончаемые дожди, то сильные, то слабые, заставили реку Чжусю выйти из берегов, и теперь она была вдвое шире обычного. Некогда прозрачные воды, смешавшись с тоннами ила, принесенного с верховьев, превратились в бурлящий поток черной грязи, который с глухим воем мчался вниз по течению.

Полмесяца назад староста обошел все дома, предупреждая держаться подальше от берега. Несколько семей, чьи дома стояли у самой воды, заставили переехать в ту же ночь.

Но жертв избежать не удалось.

На следующий день те дома и впрямь смыло водой.

И в то же утро родные обнаружили, что старая госпожа Ван исчезла.

Ее искали три дня и нашли в пяти-шести ли от деревни — тело зацепилось за ветви большого дерева, вырванного с корнем и прибитого к берегу. Если бы не это, ее унесло бы неведомо куда.

Она была давно мертва.

Говорили, что накануне, при переезде, она забыла отрез ткани на куртку для внука. Вечером она рвалась вернуться, но младшие отговорили ее, пообещав сходить утром. Но старушка, не в силах дожидаться, на рассвете отправилась одна и угодила в беду.

Родные рыдали, но ничего уже нельзя было изменить. Летняя жара делала свое дело, и староста велел помочь семье поскорее похоронить ее.

В последние дни еще нескольким семьям пришлось покинуть свои дома и ютиться у

родственников или добрых соседей.

Но так не могло продолжаться вечно.

Больше всего беспокоило то, что посевы оказались под водой. Никто не знал, что от них останется, когда вода спадет.

Почти все в деревне жили за счет земли. Если урожай погибнет, зима будет голодной, и неизвестно, сколько людей умрет.

Днем в доме старосты было шумно и людно. Все, чье слово имело вес, собирались там, пытаются найти выход.

Вчера деревенский староста на собранные деньги пригласил великого шамана. Тот плясал на берегу реки, и когда утром небо прояснилось, все решили, что это его заслуга. Но не успели они порадоваться, как снова хлынул ливень.

Цзянь Жу толкнул калитку и вошел в дом, промокший до нитки.

Из-за постоянных дождей в доме пахло сыростью и плесенью. Но, несмотря на бедность, хозяин поддерживал чистоту и порядок — все вещи лежали на своих местах.

Родители Цзянь Жу погибли три года назад в ночном пожаре.

Ему повезло выжить, но удача оказалась жестокой: половина лица была обезображена ожогом, а упавшая стена сломала ему ногу.

Иногда Цзянь Жу думал, что лучше бы он сгорел вместе с родителями.

Но он выжил, а раз уж небеса распорядились так, значит, нужно было жить дальше.

Поэтому все эти годы, как бы тяжело ему ни приходилось, он держался. Стиснув зубы, жалея самого себя, он жил один, но не позволял себе опускаться.

Войдя в дом, Цзянь Жу поставил корзину с овощами, прошел во внутреннюю комнату, переоделся в сухое и замочил мокрую одежду в тазу. В этот момент во внешнюю дверь постучали: тук-тук.

Цзянь Жу замер. Он прочистил горло и громко спросил:

— Кто там?

Снаружи раздался приглушенный, глубокий голос:

— Сяо Жу, это я.

Сердце Цзянь Жу дрогнуло. Он поправил одежду и, убедившись, что все в порядке, вышел открывать.

Услышав стук, он сразу понял, кто это.

Цзян Маоцай стучал не как все — размеренно, неторопливо, со свойственной ему сдержанной уверенностью.

Дверь со скрипом открылась. На пороге действительно стоял Цзян Маоцай.

— Брат Маоцай, как ты здесь оказался? — Цзянь Жу потянул его в дом. — Снаружи такой ливень, заходи скорее, поговорим внутри.

Цзян Маоцай был высок, строен и белокож. На нем та же простая одежда из грубой ткани выглядела куда лучше, чем на других. Он любил носить длинные халаты, и когда он шел, ветер разведал их полы, придавая ему сходство с благородным господином. В деревне, где все работали в поле под палящим солнцем и имели темную, загорелую кожу, его бледность бросалась в глаза.

Цзянь Жу обрадовался, увидев, что тот вошел в дом.

Обычно, когда Цзян Маоцай приходил один, он оставался на пороге и ни за что не соглашался войти. Другие деревенские не были так щепетильны. Цзянь Жу хоть и огорчился такой отстраненности, но в то же время восхищался его манерами и считал его человеком с принципами.

Заметив, что на Цзян Маоцае нет дождевика и его одежда промокла, Цзянь Жу забеспокоился:

— Ох, не простудись. Я принесу полотенце, вытрись.

Он хотел было развернуться, но Цзян Маоцай остановил его.

— Сяо Жу... — на его лице отразилось сомнение.

— Что случилось, брат Маоцай? Почему у тебя такой вид? — только сейчас Цзянь Жу заметил, что мокрые волосы мужчины спутались, а лицо было бледным — он совсем не походил на того аккуратного и собранного Цзян Маоцая, которого он знал.

Цзян Маоцай сжал зубы и хрипло произнес:

— С Цзяоцзяо беда.

Сердце Цзянь Жу ухнуло вниз.

— Что с ним? Что случилось?

Цзяоцзяо, о котором говорил Цзян Маоцай, был Чжан Цзяо, живший на восточной окраине деревни. Они выросли вместе. Из-за болезни матери во время беременности он родился слабым. Бедность и внешность, полностью соответствовавшая его имени — нежная и миловидная, — делали его мишенью для деревенских забияк.

Цзянь Жу часто за него заступался. Но и он был худым и слабым юношей, и, несмотря на свой боевой характер, не всегда мог победить. В такие моменты Чжан Цзяо обнимал его и плакал от страха, а Цзянь Жу, хоть и сам был в синяках и ссадинах, не желая показывать слабость перед другом, стискивал зубы и не ронял ни слезинки, обещая в следующий раз дать сдачи.

Позже, когда они снова ввязались в драку, их увидел Цзян Маоцай, чей дом недавно переехал в деревню. Он защитил их, и с тех пор их больше никто не трогал.

Цзянь Жу, редко покидавший деревню, никогда не видел таких аккуратных и воспитанных юношей, как Цзян Маоцай, и вскоре почувствовал к нему симпатию.

Еще до несчастья он признался ему в своих чувствах. Цзян Маоцай не отказал, но и не согласился, сказав лишь, что они еще слишком молоды и не стоит торопиться.

Цзянь Жу обрадовался, решив, что у него есть шанс, и спрятал свои чувства в сердце, ожидая, когда они повзрелеют.

После пожара Чжан Цзяо плакал от горя и, как только мог, вместе с Цзян Маоцаем приносил ему еду. Каждый раз Чжан Цзяо приносил что-то, что приготовил сам. Хотя это были всего лишь вотуу и суп из диких овощей, но в их небогатых семьях и это было ценно. Цзянь Жу никогда не забывал тех, кто был добр к нему в трудную минуту.

Чжан Цзяо даже лепил из вотуу забавные фигурки, чтобы подбодрить его: кроликов, мышат и прочую живность. Цзянь Жу, преодолевая боль, старался развеселить его в ответ: с громким «ам» откусывал кролику голову, потом — заднюю часть. Чжан Цзяо тихо восхищался, и это было очень мило.

За его спиной Цзян Маоцай с улыбкой смотрел на них, и его взгляд был таким мягким, что от него невозможно было оторваться.

Глядя на него, Цзянь Жу чувствовал, как в его сердце снова просыпаются прежние чувства, но понимал, что в его нынешнем состоянии надеяться не на что.

Но когда с его лица сняли повязки, обнажив уродливый шрам, и даже родственники смотрели на него с отвращением, а Чжан Цзяо при первой встрече вздрогнул от ужаса, только Цзян Маоцай оставался невозмутимым.

Когда Цзянь Жу смог выходить из дома, он в полной мере ощутил на себе всю гамму человеческих чувств: сочувствие, смешанное с брезгливостью, перешептывания за спиной и крики деревенских детей «уродец», за которыми он с камнем в руке гнался по всей деревне. Все это лишь укрепило его уверенность в том, насколько хорош Цзян Маоцай.

Позже, набравшись смелости, он спросил, почему тот не обращает внимания на его уродство. Цзян Маоцай ответил: «Шрам на лице не важен. У Сяо Жу доброе сердце».

«Он не такой, как все», — думал Цзянь Жу.

Кажется, именно в тот момент его сердце, уже симпатизировавшее Цзян Маоцаю, окончательно попало в плен.

Его душа, раздавленная неуверенностью из-за шрама, снова ожила.

Цзян Маоцай был красив и рассудителен. Он нашел хорошую работу в городе, и хозяин очень доверял ему, поэтому он редко бывал дома. Цзянь Жу сильно по нему скучал.

Однажды, когда Цзян Маоцай снова приехал, Цзянь Жу не выдержал и, оставшись с ним наедине, снова признался в своих чувствах.

Он хорошо помнил его реакцию.

Цзян Маоцай выглядел очень смущенным.

Сердце Цзянь Жу сжалось от боли. Он подумал, что тот все-таки брезгует его уродством и хромотой, но все равно, закусив губу, упрямо ждал ответа.

Цзянь Маоцай долго молчал, а потом снова сказал: «Ты еще молод, не торопись, давай подождем».

Цзянь Жу было уже восемнадцать. В этом возрасте все девушки и юноши в деревне начинали искать себе пару. Почему же он все еще был «молод»? Почему нужно было «подождать»?

Но раз он не отказал прямо, Цзянь Жу решил, что шанс еще есть, и не отчаялся, продолжая относиться к нему с теплотой.

Он рассказал об этом Чжан Цзяо. Тот, слушая, улыбался, и его взгляд, словно невзначай, скользнул по уродливому шраму на лице друга.

— Брат Маоцай так хорош, неудивительно, что он тебе нравится. В деревне многие в него влюблены, — сказал он и, вспомнив что-то смешное, рассмеялся.

Больше он ничего не добавил, но в те дни часто звал Цзянь Жу погулять в город.

Цзянь Жу, после того как его лицо и нога были изуродованы, не любил бывать среди незнакомых людей. Хотя он и делал вид, что ему все равно, но когда на него глазели или шептались за спиной, он молча проглатывал обиду.

Но Чжан Цзяо жаловался, что в деревне скучно, и умолял пойти с ним в город, заодно навестить брата Маоцая. Цзянь Жу поддался на уговоры.

Однако после двух поездок он наотрез отказался.

Чжан Цзяо был красив, на его лице не было ни единого изъяна, а его характер привлекал людей. Рядом с ним, таким красивым и всеми любимым, Цзянь Жу, торговавшийся с лавочником из-за каждого недовешенного ляна, казался еще более уродливым и сварливым чудовищем.

Цзянь Жу больше не хотел ездить. Чжан Цзяо заметил его подавленное состояние и, после долгих расспросов, добился правды.

Он мягко обнял его и, надув губы, сказал:

— Теперь я понимаю. Это все моя вина. Больше никогда не буду заставлять тебя выходить.

Цзянь Жу, конечно, не держал на него зла и тоже извинился за то, что его комплексы из-за шрама испортили им прогулку.

Чжан Цзяо вздохнул:

— Гулять или нет — это мелочи. Вот только хозяин брата Маоцая...

— А что с ним? — спросил Цзянь Жу.

— Ну, — смущенно протянул Чжан Цзяо, — у него ведь лавка, и он говорит... говорит...

— Что говорит?

— Да ничего особенного. Просто, когда мы приходим к брату Маоцаю, мы мешаем его торговле.

— Мы же просто заходим поздороваться и перекинуться парой слов, когда нет покупателей. Как мы можем мешать? — недоумевал Цзянь Жу.

Внезапно он все понял, проследив за неловким взглядом Чжан Цзяо, брошенным на его шрам.

— Они боятся, что я распугаю покупателей? — тихо спросил он.

Чжан Цзяо кашлянул и промолчал. Свет в глазах Цзянь Жу померк, и он больше не задавал вопросов.

С тех пор Чжан Цзяо перестал звать его гулять, и они, как и прежде, проводили свободное время в деревне. Когда Цзян Маоцай возвращался из города, они снова были вдвоем. Только они двое не чурались его.

Цзянь Жу был благодарен им и помнил их доброту.

И он старался отплатить им сторицей.

Если у него появлялось что-то вкусное или полезное, он оставлял себе лишь малую часть, а большую отдавал им. Их проблемы он считал своими.

Когда заболела мать Чжан Цзяо, и тот не справлялся с уходом, Цзянь Жу с утра до ночи заботился о ней, как о родной. Цзян Маоцай часто был в отъезде, и если его пожилым родителям нужна была помощь по хозяйству, он тоже приходил на помощь.

Он очень дорожил этой многолетней дружбой.

И теперь, услышав от Цзян Маоцай, что Чжан Цзяо в беде, Цзянь Жу почувствовал себя как на раскаленной сковороде.

Они шли сквозь ливень, один впереди, другой позади. Цзянь Жу, бежавший впереди, уже не обращал внимания на свою хромоту — спотыкаясь и ковыляя, он почти задышался.

Цзян Маоцай следовал за ним. Его взгляд скользнул по спине друга, а затем опустился, скрывая сложные чувства.

Дождь усиливался, заливая волосы Цзянь Жу, отчего его и без того некрасивое лицо выглядело еще более жалким.

Они направлялись к дому Чжан Цзяо.

Наводнение в деревне становилось все серьезнее. Никакие меры не помогали. Река становилась все шире и яростнее, грозя поглотить все на своем пути. Река-кормилица превратилась в реку-убийцу.

Цзян Маоцай рассказал, что прошлой ночью в доме старосты до самого утра не гас свет. В густом дыму от самокруток старейшины приняли решение — последовать совету шамана и принести жертву речному богу.

Помимо быков, овец и свиней, богу в жены нужно было отдать самого красивого юношу или девушку.

Выбор пал на Чжан Цзяо, самого красивого юношу в деревне. Его мать рыдала до потери сознания, но была бессильна что-либо изменить.

Сегодня ночью Чжан Цзяо должны были бросить в ревущую реку.

На лбу Цзянь Жу вздулись вены. Его тонкие руки сжимали рукоять лопаты. Он собирался пойти к дому Чжан Цзяо и драться со старостой и его людьми. Только через его труп они смогут забрать Чжан Цзяо.

— Брат Маоцай, быстрее! — дождь хлестал по лицу, почти не давая открыть глаза. Одежда промокла насквозь, и его худое тело дрожало, но ему было не до этого.

Мысль о том, что Чжан Цзяо, связанный по рукам и ногам, умирает от страха, подгоняла его. Он обернулся, чтобы поторопить мужчину, и Цзян Маоцай кивнул в ответ, но шаги его не ускорились, а, наоборот, замедлились.

Цзянь Жу не заметил, что его спутник постоянно оглядывается по сторонам — на дома, на окна, вглубь переулков.

Увидев вдалеке дом Чжан Цзяо, Цзянь Жу воспрял духом и, крепче сжав лопату, приготовился броситься вперед.

Но стоило ему сделать шаг, как затылок пронзила острая боль. В глазах потемнело, и он, пошатнувшись, едва не рухнул на землю.

«Деревенские мальчишки отомстили, бросив в меня камень?»

Он попытался обернуться, чтобы позвать на помощь Цзян Маоцай, но в этот момент второй удар, еще более сильный и решительный, обрушился на его голову.

Теперь Цзянь Жу понял, что это был не камень, а палка, и тот, кто бил его...

Но было уже поздно. Темнота поглотила его, и он потерял сознание.

...

Когда он очнулся, рот его был завязан, руки и ноги связаны. Лицо было покрыто красной свадебной вуалью, а его самого несли на деревянном помосте.

Цзянь Жу не был глупцом и сразу все понял. Он отчаянно забился, и красная вуаль сбилась набок, готовая упасть.

Но чья-то рука поправила ее, снова плотно закрыв ему лицо.

Цзянь Жу замычал, пытаясь привлечь внимание.

Теплая рука крепко сжала его ладонь, и он затих.

Знакомый мужской голос прошептал ему на ухо:

— Сяо Жу, не вини нас. Цзяоцзяо такой пугливый, он бы испугался. Твое лицо изуродовано, нога искалечена, в этой жизни тебе все равно ничего не светит. Так почему бы не помочь нам?

Кровь в жилах Цзянь Жу застыла, а сердце пронзила невыносимая боль.

Мужчина, чей голос когда-то приносил ему радость, продолжал резать его тупым ножом.

— Если уж тебе суждено умереть, ты должен знать правду, чтобы, став призраком, не преследовал нас. Все эти годы я любил только Цзяоцзяо. Вы всегда были вместе, и я был добр к тебе лишь для того, чтобы порадовать его.

— Я никогда не испытывал к тебе никаких чувств. Тем более после того, что с тобой случилось. Твое лицо... оно отвратительно, как у демона. Как я мог полюбить такое?

Услышав это, Цзянь Жу снова отчаянно задергался.

Цзян Маоцай сжал его руку с такой силой, что, казалось, хотел сломать ему кости.

— Я редко бываю дома, а Цзяоцзяо такой мягкий, его легко обидеть. Ты был рядом и мог присмотреть за ним в мое отсутствие. Не вини нас. С твоим-то характером и внешностью, кто бы еще стал с тобой дружить, если не мы?

Красная ткань, скрывавшая его лицо, медленно намокала от слез.

Он перестал вырываться.

Цзян Маоцай отпустил его руку.

— Вини старосту и его людей, они слишком бдительны. Если бы не живая жертва вместо Цзяоцзяо, у нас не было бы шанса тайно покинуть деревню и начать новую жизнь. Иди с миром. Мы обязательно будем сжигать для тебя поминальные деньги по праздникам.

Цзянь Жу всегда хотел жить. Он прошел через столько испытаний и выстоял.

Но в этот момент он потерял всякую привязанность к этому миру. Со слезами на глазах он закрыл глаза и покорился судьбе.

Помост остановился. Он почувствовал запах сырой земли и услышал, как река с ревом подмывает берег.

Перед его мысленным взором пронеслась вся его жизнь.

Родители, исчезающие в пламени.

Зеленые поля пшеницы, наивная и жалкая улыбка Чжан Цзяо, развевающийся на ветру халат Цзян Маоцай, фигурки кроликов и мышат из вотоу, которые они приносили ему, когда он лежал, прикованный к постели.

Теперь он наконец понял.

Мягкий взгляд Цзян Маоцай всегда был обращен только на Чжан Цзяо.

Те кролики и мышата, что утешали его в болезни, должно быть, они лепили вместе. Возможно, лепя эти фигурки, Цзян Маоцай заботливо стирал муку со щеки Чжан Цзяо. Возможно, Чжан Цзяо, покраснев, просил своего брата Маоцай помочь ему слепить хвостик кролику, который у него никак не получался.

Вспоминая сейчас их взгляды и жесты, он понял, что они были вместе уже тогда, в самые тяжелые дни его жизни.

Он не считал себя глупцом. Даже сейчас.

Но удача, кажется, и впрямь его не жаловала.

Что ж, эта жизнь кончена. В следующей... небеса так жестоко обошлись с ним в этой жизни, быть может, в следующей ему достанется хоть капелька удачи? Совсем немного. Этого будет достаточно.

Холодная вода сомкнулась над головой, заполняя рот и нос, и Цзянь Жу потерял сознание.

<http://bllate.org/book/13681/1212210>